

ЛАНА БАРСУКОВА

СЧАСТЛИВЫЕ НЕУДАЧНИКИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

Оформление серии *Е. Петровой*

Барсукова, Лана.

Б26 Счастливые неудачники : роман / Лана Барсукова. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-241944-7

Роман в пяти новеллах. Одна новелла — одна судьба.

Каждый из героев переживает крушение. Советский офицер расплачивается за любовь. У хозяйки мастерской отбирают бизнес. Актриса остается без ролей. Художница теряет способность творить. Фотограф вынужден заниматься слежкой.

Судьба сводит их в одной точке — на пороге детского клуба. И вдруг жизни героев начинают сиять новыми гранями, а падение оборачивается взлетом. Они поднимаются — тихо, упрямо, каждый на свою высоту. Доказывая простую вещь: люди бывают разные — и счастье тоже.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Барсукова Л., текст, 2026
ISBN 978-5-04-241944-7 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Вместо предисловия

Подвал был самый обыкновенный. Впрочем, не совсем. Из множества безликих подвалов этот выделялся яркой табличкой, прибитой к облезлой стене. На фоне канареечного цвета выгодно расположились пузатые голубые буквы, издавлек напоминая титры к мультфильму. Подойдя ближе, можно было прочесть «Детский клуб».

Лестницу клуба шлифовали детские ботиночки, за которыми едва поспевали растоптанные сапоги старшего, уставшего поколения. Картина была ежедневной, привычной и понятной.

Волны радости омывали этот подвал. Дети и родители шли туда за свободой друг от друга. Одни вырывались из педагогических тисков, куда их загнали папы и мамы, начитавшиеся умных книжек. Другие мечтали отправить ребенка на свидание с прекрасным и получить передышку от его вопросов, капризов, призывов поиграть и предложений пошалить. Словом, спуск в подвал означал восхождение в лучший из миров.

И мало кто задумывался о судьбах тех, кто вдохнул в этот подвал жизнь. Руководители кружков были частью этих стен, низкого потолка и малогабаритных окон. Они росли в эти комнатки, заполнив их своей энергией, как растение заполняет горшок корнями. Живые привидения, готовые работать за смешную зарплату и сомнительный престиж.

У них часто спрашивали о способностях детей, но никогда не интересовались их собственными судьбами. Стеснялись. Считали неэтичным. Как будто своими расспросами принудят рассказать о несчастьях, которые привели к полному фиаско. Не от хорошей жизни взрослые люди целыми днями общаются с детьми. Ладно бы со своими. Так ведь с чужими. К такому берегу может прибиться только потерпевшее крушение судно.

Всего их было пятеро. Не судно, а целая флотилия.

Знакомьтесь:

Ирочка — веселая и немного странная одинокая оптимистка, обучающая рисованию;

Маруся Ивановна — ни дня без пластилина;

Сан Саныч — баянист с покалеченной рукой и искореженной судьбой;

Изоolda — изумительная женщина, выжигающая по дереву;

Петрович — застрявший в прошлом веке фотограф.

Вот такая непрезентабельная компания. И у каждого своя история, своя тропинка, по которой он пришел в этот детский клуб. Разные судьбы, пересекающиеся во времени и пространстве. Истории этих людей совсем не похожи, ведь одинаковых судеб не бывает. Но у наших героев много общего: они все хотят счастья, любви и все живут в одной стране, с которой иногда непросто ужитья.

Это роман в пяти новеллах. Единое полотно из нескольких фрагментов. Как будто сшитое из лоскутов одеяло. Каждый лоскутик проживает целую жизнь, прежде чем станет малюсенькой заплаткой на полотне вечности.

МОДНАЯ ШТУЧКА

— **З**ашибись! Не успела зарегаться, как полным-полно заманок, — возбужденно комментировала Ирочка поиск работы с помощью интернета.

В переводе на обычный язык это означало «не успела зарегистрироваться, как пришло много предложений». Но Ирочка предпочитала более современную, как ей казалось, речевую форму. Ей доставляло удовольствие выворачивать слова, обрезать их, наращивать в самых непредсказуемых местах, отчего речь становилась «фирменной», только ей присущей. Делала она это не для «прикола» и не для того, чтобы произвести впечатление на окружающих. Ирочке было глубоко плевать на то, как она смотрится со стороны. Просто ее душа просила нестандартных форм выражения.

Круг знакомых имел многолетний стаж, а время делает дружбу покладистой и терпимой. Старые друзья любили, хоть и с нотками снисхождения к ее странностям. Ласково называли Ирочкой — то ли в память об Эллочке-людоедочке, то ли умиляясь самобытностью.

Новые же знакомые сначала удивленно округляли глаза, но постепенно привыкали к пунктирной речи и размашистым манерам. И, посмеиваясь над странностями, становились членами Ирочкиной компании, объединенными чувством превосходства над забавной подругой, паразитируя на неумном, каком-то первозданном оптимизме. Даже о проблемах Ирочка рассказывала так, что получалось вкусно и жизнеутверждающе:

— Прикинь, шеф обворовался, а меня выперли. Полфирмы в расход пустили. Не фирма, а штрафбат какой-то. Очуметь можно. Я прямо наревелась до одури. А потом подумала, и фиг с ним. Шеф-то наш уже позеленел от своих миллионов. А мне зеленый цвет не идет, лучше буду розовой безработной.

Ну кто еще мог так жизнерадостно рассказывать о вступлении в ряды безработных? Только она. И в свете таких историй у любого слушателя возникало чувство, что его проблемы не такие уж и проблемные.

Личная жизнь Ирочки была такой неказистой, что дружба подруг успешно выдерживала испытание завистью. У кого-то муж пил, у кого-то гулял, у кого-то занудствовал, а у Ирочки мужа не было вовсе. Никогда. Ни по данным ЗАГСа, ни по сведениям бдительных соседок. Так, залетные ухажеры, не оставлявшие ей ни квадратных метров, ни банковских счетов, ни внебрачных детей. На этом фоне

любая подруга чувствовала себя в выигрыше, что повышало градус любви к Ирочке. Бездетная, одинокая, небогатая оптимистка — воплощение идеала женской дружбы. А друзья-мужчины, бравлируя знанием мужской психологии, в знак глубочайшей симпатии предупреждали Ирочку: «Торопись, после сорока ты нахрен никому не будешь нужна». А как торопиться? Что делать, если не складывается?

Но вдруг, в один заурядный день, жизнь тихо сползла на новые рельсы и покатила, набирая скорость. Вообще-то скорость растет, если поезд катится под откос. А тут жизнь пошла в гору, набирая ускорение против всех законов физики.

Все началось весьма прозаично. «Зарегавшись» на сайте вакансий, Ирочка получила «заманку» от фирмы по производству гипсовых «фигулин для красотилин», то есть фигур для декорирования дачных участков. Эти гипсовые гномы и зайцы были довольно пошлыми, и народ их сторонился. Глядя на них, редкий остряк не декламировал фразу из советской комедии: «Налетай! Торопись! Покупай живопись». Фирма почему-то решила, что все дело в нерадивости сотрудников, недостаточно активно втягивающих товар населению. В результате часть работников уволили и начали набирать новых. Ну действительно, нельзя же уволить гномов и зайцев, значит, надо что-то делать с кадрами. Ведь кадры решают все. Кажется, это говорил Сталин. Но он не видел этих гномов.

Вот в такую фирму и пришла Ирочка. Менеджер, проводивший собеседование, постоянно говорил «давайте». «Давайте познакомимся...», «давайте представим ситуацию...», «давайте проанализируем». Ирочка, уставшая от такого словесного однообразия, претившего ее натуре, не выдержала: «Если вечно всем давать, обломается кровать». И озорно улыбнулась. Просто так, для поднятия настроения, чтоб не скучно было. Мужик слегка ошалел, покраснел и экстренно закончил собеседование, обойдясь без традиционного «мы вам позвоним». Ирочка поняла, что вакансия прошла мимо нее, но не сильно огорчилась. Гипсовые гномики, зайчики и ангелочки показались ей слишком жеманными, с ними не хотелось иметь никаких общих дел. Особенно странными были гипсовые купидоны. Ирочка тут же представила, как эти малолетние толстячки с кривой улыбкой целятся в поднятый зад дачника, согнувшегося над грядками.

Собеседование закончилось ничем. Так думала Ирочка. И ошибалась. Через несколько дней неизвестный номер высветился на экране ее мобильного телефона. «А давайте куда-нибудь сходим». По фигуре речи она узнала представителя гипсовых купидонов. «Давайте», — просто ответила Ирочка. Шутить почему-то не хотелось. Тем более что помнила: перед ее шутками он пасует.

Но хоть купидоны и были гипсовыми, стрелы у них оказались самыми настоящими. Спустя не-

сколько месяцев Ирочка слышала: «А давай поженимся». Вместо ответа она кивнула. А что тут скажешь? Приближался сорокалетний рубеж, нужно было торопиться.

* * *

Аркадий — ее муж, торговавший гипсовыми фигурами для ландшафтного дизайна, а попросту для украшения дачных участков, — очень скоро потерял работу. На своем горьком опыте он выяснил, что традиционные шесть соток не вмещают больше одного гипсового гномика. А угождая богатых клиентов брезгают этими плебеями, предпочитая мраморные пародии на творения Родена. Благо французский скульптор заблаговременно умер, поэтому в суд подать не мог.

При увольнении в качестве утешительного приза, точнее, вместо зарплаты за последний месяц, Аркадию выдали армию гипсовых фигурок: гномов с фонарями, зайчиков с ушами, ангелов с крыльями и домовых с ухмылкой. Были еще грешницы с кувшинами на гипсовых плечах. Почти как девушки с веслами, только хуже. «Гипсорята», как назвала их Ирочка, заняли все свободные метры их квартиры. Теперь можно было передвигаться только бочком, на манер краба, рискуя оцарапаться о торчащие из всех щелей гипсовые члены. Аркадий стеснялся этой армии, словно он навел на дом гипсовую чуму. Друзья искренне

соболезновали, но никто не приобрел ни одного, даже самого маленького гнома.

И только Ирочка резвилась от души, найдя в этих гипсовых джунглях достойный полигон для своего неумемного оптимизма.

— Надо наших сожителей подшармить, — сказала она и начала обихаживать несчастных «гипсорят».

Свеклой, не дорезанной в винегрет, она накрасила щеки дачному гному, приклеила пуговицы на воображаемую ширинку, нарисовала тушью татушку и внесла еще с десяток радикальных усовершенствований, включая полосатую шапочку с помпоном поверх гипсового темечка. Ее оптимизм выплеснулся на голову ни в чем не повинного благообразного гнома. Получился гном-гопник, хулиганистый и залихватский. Его фотка ушла в социальные сети. А оттуда в ответ — волна остроумных комментариев, провокационных советов и фривольных рекомендаций. Гном пошел гулять по Сети, ловко перепрыгивая с сайта на сайт.

Но путешествие по Всемирной паутине было недолгим. Его пожелал купить какой-то отчаянный любитель оригинальности. Судя по сумме, которая была предложена, он не просто «пожелал», а «возжелал» этого гнома. Только страсть делает человека безумным.

Ирочка и Аркадий к приезду покупателя убрали подальше ножи и вилки, ожидая увидеть сумас-

шествие в острой форме. Только чокнутый, по их мнению, мог предложить за гнома-гопника такие деньги. В нетерпении выглядывали в окно, делая ставки: на самокате или на роликах появится этот странный человек? В зеленый или красный будут покрашены его волосы?

Но к подъезду подъехал дорогой автомобиль цвета мокрого асфальта, из которого появился мужчина, словно сошедший с рекламы солидного стиля. Даже с высоты второго этажа, откуда выглядывали молодожены, было видно качество его ботинок. То самое качество, которое в рекламах приписывают исключительно «настоящим мужчинам». Волнение, исходящее от него, касалось лишь одного — что он не успеет приобрести этого заветного гнома, что перекупят конкуренты. Аркадий оценил машину и ботинки и, будучи опытным менеджером по продажам, понял, что Ирочкин гопник попал в премиум-класс. Обрадованный супруг быстро смекнул, что за скромные деньги серийные гномы никому не нужны, даже если бесплатно в придачу к ним давать гипсовых русалок. Но как «авторская работа» пойдут за большие деньги. Да что там гномы! Есть же еще девы с кувшинами, зайцы и прочая зоология и фольклор!

И пошло-поехало. «Гипсорята» разлетались, как пирожки на вокзальной площади, еще тепленькие. Ирочка озорно и весело пускала в ход крупу, перья, капала воском, поливала расплавленным

сургучом, обсыпала конфетти и обклеивала бутылочными крышками. Она неожиданно для себя поняла, что у настроения есть цвет, форма, объем и даже запах. И упивалась своим открытием. Это было ни с чем не сравнимое чувство, волнующее и сладкое, похожее на душевное землетрясение, когда толчки творческой энергии подбрасывают среди ночи и заставляют, дрожа от нетерпения, превращать ничто в нечто. Бесцветные гипсовые фигурки становились персонажами со своими характерами и даже личной жизнью, которая угадывалась в деталях. Вот приклатненный заяц, явно прошедший зону. А вот постаревшая русалка, всю жизнь безуспешно охотившаяся за Садко.

Ирочка ловила свое настроение за хвост и припиливала его к гипсовым фигуркам, как будто оставляя себе на память. Единственное, что ее удивляло, как ее настроение может быть кому-то интересно. Денежный эквивалент чужого интереса был ей неизвестен. Этим занимался муж. Она не вникала в финансовую сторону вопроса. Зачем? Это же так скучно — вести учет доходов и расходов. Самыми кошмарными словами на свете для Ирочки были «бухгалтерия» и «стоматология». Гораздо веселее и интереснее было размышлять о том, как утешить русалочку с помощью парика из серпантина. И потом, о деньгах думают, когда их нет. А у них с Аркашей с этим все было в порядке. На жизнь ей хватало. И даже на очень

приятную жизнь — с мужем, весельем, творчеством. А что еще надо?

К этому времени Аркадий создал небольшую фирмочку и самолично ваял для Ирочки гипсовые заготовки, разбавляя традиционных гномов и девиц новыми персонажами. Политических деятелей они не трогали: это было табу. Но вовсе не из-за любви или уважения к рулевым нашего огромного нефтяного корабля. Просто Аркадий решил не уподоблять их изделия арбатским матрешкам, по которым можно изучать историю страны. Арбат — это другой ценник, другая рыночная ниша, для туристического плебса, а Аркаша работал на премиум. Было сказано решительное «нет» всему хоть отдаленно напоминающему изделия, выставляемые в киосках. Только эксклюзив. Только буйство фантазии самобытной Ирочки. Ну кому еще придет в голову ходить по соседям с протянутой рукой, собирая рыбную чешую, чтобы обвалить в ней водяного с ластой на голове? А чего стоил ежик, гордо несущий на спине сухофрукты! Ирочкины «гипсорята» получались стильно-чумовые, отвязно эпатажные.

Довольно быстро Аркаша понял, что для поднятия ценника еще выше нужна красивая история о рождении нового стиля. Нельзя, чтобы люди узнали про зарплату, выплаченную гномами. Про случайность первой продажи. И про чувство легкого обалдения от первого гонорара, на который

они гуляли целую неделю, регулярно выпивая за здоровье «лоха» в дорогом авто. Все эти подробности нужно предать анафеме и ни в коем случае не проговориться, лучше стереть даже из собственной памяти.

Необходима звонкая история про долгие годы творческого томления, страха выйти за рамки дозволенного, накопившийся протест против условностей, сковывающих художника цепями самоцензуры. Хорошо бы запустить байку про то, как Ирочку выгнали из художественной школы за буйство фантазии и бескомпромиссную оригинальность. Дескать, она с детства была бунтаркой, видела жизнь иначе, чем остальные дети. Не могла рисовать и лепить, как все. И сколько она натерпелась от репрессивной системы отечественного образования, безуспешно пытающегося загнать ее в стандартные рамки, привести к общему знаменателю. Обязательно нужны яркие картинки. Например, как поседевшая учительница из той самой художки, гнобившая Ирочку-ученицу, со временем осознала свое невежество и ограниченность и встала на колени перед гномом с татушкой. Словом, работы у Аркадия — непочатый край.

Пора выводить Ирочку в публичное пространство, сделать ее участницей ток-шоу, а может, и фотосессию для мужского журнала проверить. Чтобы в газетах мелькало ее мнение о положении на Ближнем Востоке и кремлевской диете, об от-